

Трое в одной лодке

НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Сборы

Мы составили список вещей, которые нужно было захватить, и он оказался достаточно длинным, этот список мы собрали все вещи в одно место, а вечером сошлись, чтобы уложить. Мы достали большой чемодан для белья и платья и две корзины под продукты и кухонные принадлежности. Стол был отодвинут к окну, мы свалили все наши вещи в кучу посреди пола и, усевшись в кружок, смотрели на них.

— Я буду укладывать, — сказал я.
Я горжусь своим умением укладывать. Это одно из моих дел, которые я, по моему глубо-

Джером К. Джером

Рисунки Мих. Ягужинского

У английского писателя Джером К. Джером есть интересная книга «Трое в одной лодке, не считая собаки». В ней описывается водное путешествие трех туристов — Джорджа, Харриса и автора, с собакой Монморенси по Темзе и ее притокам. Ниже мы помещаем несколько наиболее интересных отрывков из этой книги.

— Оно же все время было здесь! — с негодованием воскликнул Джордж.

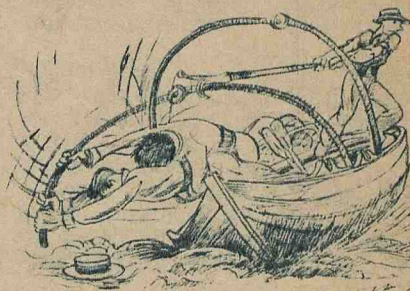
— Где? — вскричал Харрис, быстро поворачиваясь на каблучках.

— Стой спокойно! — завопил Джордж, устремляясь за Харрисом.

Они отскребли масло от брюк и уложили его в чайник.

Эгоизм землевладельцев

Мы остановились у Кемптон-Парна, под ивами, и принялись завтракать. Это приятная местность: красивое, поросшее травой плоско-

„Это были не дужки, — это были дьяволы!“

горье, тянувшееся вдоль берега и поросшее ивами. Мы только что ваялись за третьим блюдом — хлебом с вареньем, как появился какой-то джентльмен без пиджака и с короткой трубкой и осведомился, известно ли нам, что мы вторглись в чужие владения. Мы ответили, что не уделили еще этому вопросу достаточного внимания, чтобы иметь возможность притти к определенному заключению, но если он поручится честным словом джентльмена, что мы действительно вторглись в чужие владения, мы готовы без дальнейших колебаний ему поперить.

Джентльмен с короткой трубкой дал нам требуемое заверение, и мы благодарили его. Но он продолжал ходить вокруг нас и, повидимому, был недоволен, так что мы спросили, что еще мы можем для него сделать. Харрис, человек по натуре компанейский, даже предложил ему кусок хлеба с вареньем. Но этот джентльмен, вероятно, принадлежал к какому-нибудь обществу, члены которого покаялись воздерживаться от хлеба с вареньем; во всяком случае он довольно-таки грубо отклонил предложение Харриса, словно обвиненный тем, что его пытаются соблазнить, и прибавил, что его обязанностью является выставить нас отсюда.

Харрис сказал, что, если такова его обязанность, она должна быть выполнена, и спросил, какие средства, по его мнению, являются наилучшими для достижения этой цели. А Харрис, надо сказать, хорошо сложенный человек первого сорта, как говорят, роста и кажется на вид крепким и коренастым. Джентльмен смеялся его взглядом сверху до низу и сказал, что пойдет посоветоваться со своим хозяином, а потом вернется и сбросит нас обоих в реку. Конечно, мы его больше так и не видели, и, разумеется, все, что ему было нужно, — это один шиллинг. На побережье попадаются некоторые количество подобных хулиганов, которые сноличивают за лето порядочное состояние, болтаясь по берегу и шантажируя таким образом слабохарактерных дурачков. Они выдают себя за уполномоченных землевладельца. Лучшая политика в этом случае — сказать свое имя и адрес и предоставить хозяину, если он действительно имеет отношение к этому делу, вызвать вас в суд и доказать, что вы принесли вред его земле, посидев на ней. Но большинство людей до того лениво и робко, что им приятнее поощрять это насилие, уступая ему, чем прекратить его, проявив некоторую твердость характера.

В тех случаях, когда действительно виноваты хозяева, их следует разоблачать. Эгоизм прибрежных землевладельцев усиливается с каждым годом. Если бы люди могли поступать по своему, они бы совсем заперли Темзу. Они уже фактически это делают в притоках и затоках. Они вбивают в дно реки столбы, протыкают от берега цепи и приколачивают к каждому дереву огромные доски с предупреждениями. Вид этих досок пробуждает во мне самые дурные инстинкты. Мне хочется их сорвать и до тех пор барабанить ими по голове человека, который их повесил, пока он не умрет. Потом я его похороню и положу доску ему на могилу вместо надгробного памятника.

уложено мыло или нет, и, с шумом захлопнув чемодан, затянул ремни. Но оказалось, что я запакновал туда свой кисет с табаком, и мне пришлось открывать чемодан еще раз.

В десять часов пять минут вечера он был окончательно закрыт, и теперь предстояло только уложить корзинки с провизией. Харрис сказал, что до отъезда осталось меньше полусуток и что ему с Джорджем, пожалуй, следует взять оставшуюся работу на себя. Я согласился и сел, а они принялись за дело.

Начали они весело, намереваясь, повидимому, показать мне, как надо укладываться. Я не делал никаких замечаний, а просто ждал.

Когда Джорджа повесит, Харрис будет самым плохим укладчиком в мире. Я смотрел на груду тарелок, чашек, кастрюль, бутылок, кружек, пирогов, спиртов, бискупов, томатов и чувствовал, что мне скоро предстоит интересное зрелище.

Так оно и оказалось. Прежде всего Харрис с Джорджем разбили чайник. Они сделали это лишь для того, чтобы показать, на что они способны, и вызвать к себе интерес.

Затем Харрис уложил банку с клубничным вареньем на помидор и раздавил его. Помидор пришлося потом павлекать чайной ложкой. Затем настала очередь Джорджа, и он наступил на масло. Я не сказал ни слова, я только подошел ближе и, усевшись на край стола, наблюдал за ними. Я чувствовал, что это раздражает их больше, чем самые нольские слова. Они волновались, нервничали; они натыкались на вещи или кляли их у себя за спиной и не могли найти, когда они были им нужны. Они закидывали пироги на дно и кляли тяжелые вещи сверху, так что пироги превращались в месиво. Все что возможно, они посыпали солью, а что называется маслом, то я никогда не видел, чтобы два человека столько возились с куском масла стоимостью в четырнадцать пенсов.

Когда Джордж отскреб масло от своей туфли, они попробовали записать его в котелок. Но оно не входило, а то, что уже вошло, не хотело вылезать. Наконец, они его выскребли оттуда и положили на стул. Харрис сел на этот стул, и масло прилипло к его брюкам, и они принялись его искать по всей комнате.

— Готов присягнуть, что я положил его на этот стул, — сказал Джордж, тараща глаза на пустое сиденье.

— Я сам это видел минуту тому назад, — подтвердил Харрис.

Они снова обошли всю комнату, разыскивая масло, и, сойдясь посредине, установились друг на друга.

— Это удивительнее всего, что я когда-либо слышал, — сказал Джордж.

— Настоящая загадка! — сказал Харрис. Наконец, Джордж обошел вокруг Харриса и увидел масло.

„Джентельмен осведомился, известно ли нам, что мы вторглись в чужие владения!“

„Они отскребли масло от брюк и уложили его в чайник“

кому убеждению, умею делать лучше всех на свете (меня самого иногда удивляет, сколько существует таких дел). Я убедил в этом Джорджа и Харриса и сказал, что лучше всего будет предоставить всю эту работу мне одному. Они приняли это предложение с удивительной готовностью. Джордж запер трубку и улегся в кресло. Харрис закурил сигару и развалился в другом кресле, закинув ноги на стол.

Это было не совсем то, чего я ожидал. Я предполагал, что Харрис и Джордж будут выполнять работу по моим указаниям, а сам собирался только руководить ею, то и дело отталкивая их и покрикивая: «Эх вы!.. Дайте-ка я сам это сделаю. Видите, вот как просто!» Я думал, так сказать, обучить их этому делу. То, что они поняли это иначе, раздражало меня. Ничто меня так не раздражает, как вид людей, которые спят и ничего не делают, когда я работаю.

Тем не менее, я не сказал ни слова и начал укладываться. Эта работа потребовала больше времени, чем я предполагал, но, наконец, я уложил чемодан и, сев на него, начал застегивать ремни.

— Разве ты не намерен уложить сапоги? — спросил Харрис.

Я оглянулся и увидел, что забыл уложить сапоги.

Это очень похоже на Харриса. Он, конечно, не вымолвил ни слова, пока я не уложил и не затянул чемодана. Джордж засмеялся своим раздражающим, тупым смехом. Эти двое до того меня бесят!

Затем не оказалось зубной щетки. Мне, разумеется, и теперь пришлось вывернуть из чемодана все вещи до последней, и, разумеется, я не нашел щетки. Я привел наши поиски приблизительно в такое же состояние, в каком они, вероятно, были до сотворения мира, когда царил первобытный хаос. Конечно, мне восемнадцать раз попадались под руку щетки Джорджа и Харриса, но своей щетки я найти не мог. Я переложил одну за другой все вещи, поднимая их и встряхивая. Наконец, я нашел мою щетку в одном из башмаков. Я уложил чемодан снова.

Когда я кончил, Джордж спросил, уложено ли мыло. Я ответил, что мне решительно навлекать,

„Ничто так не пачкает человека, как чистка картофеля“

Борьба с дужками

Мы подгребли к мысу (он называется «Мыс Пикников») и остановились в приятном уголке, под могучим вивом, и раскидистым корнями которого мы привязали нашу лодку.

После этого мы намеревались поужинать, но Джордж сказал:

— Нет! Сначала, пока не совсем стемнело и еще видишь, что делаешь, нам следует натянуть парусину. Тогда с работой будет покончено, и мы с легким сердцем примемся за еду.

Но натягивание парусины оказалось более длительным делом, чем предполагал, вероятно, любой из нас. Теоретически это выглядит очень просто. Вы берете пять железных дужек, похожих на гигантские ворота для крокета, устанавливаете их вдоль всей лодки, потом натягиваете на них парусину и привязываете ее внизу. Это займет минут десять, не больше, думали мы. Но мы ошиблись.

Мы взяли дужки и начали их вставлять в приготовленные для них отверстия. Никто бы не подумал, что это — опасная работа, но теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь лишь тому, что все мы живы и можем об этом рассказывать. Это были не дужки, — это были дьяволы. Сначала они вообще отказывались вставляться в отверстия, так что нам пришлось прыгать по ним, бить их ногами и колотить причальным крюком. Когда они, наконец, встали, оказалось, что эти отверстия для них не подходят, и их пришлось снова вынимать.

Но они не хотели выходить, пока двое из нас не выдержали с ними борьбу, продолжавшуюся целых пять минут. Тогда они внезапно выскочили и попытались сбросить нас в воду и утопить. У них были шарниры посередине, и стоило нам отвернуться, как они щипали нас этими шарнирами за чувствительные места. Пока мы боролись с одной стороной дужки и пытались убедить ее выполнять свой долг, другая предельски подбиралась к нам сзади и ударяла нас по голове.

Наконец, мы вставили дужки, и нам осталось только натянуть на них парусину. Джордж развернул ее и укрепили один конец на носу. Харрис встал посередине, чтобы взять парусину от Джорджа, а я держался на корме, готовясь поймать другой конец. Он долго не доходил до меня. Джордж исполнил свою роль хорошо, но для Харриса эта работа была нова, и он все испортил.

Как это ему удалось, и не знаю, — Харрис и сам не мог этого объяснить, — но после десятиминутных сверхчеловеческих усилий он ухитрился совершенно закатать себя в парусину. Он до такой степени плотно закутался и завернулся в нее, что не мог освободиться. Разумеется, он начал отчаянно бороться за свою свободу, — прирожденное право каждого англичанина, — и во время борьбы (как я узнал после) сбил с ног Джорджа. Джордж, осыпая Харриса ругательствами, тоже начал бороться и сам завернулся и закутался в парусину.

В то время я ничего не знал об этом. Я совершенно не понимал, в чем дело. Мне было велено стоять на месте и ждать, и мы с Монморенси стояли и ждали тихо и смирно. Мы видели, что парусину сильно бьет и толкает во все стороны, но считали, что так и полагается, и не вмешивались.

До нас доносились из-под парусины полуглашенные ругательства. Мы поняли, что работа, которой заняты Харрис и Джордж, причиняет им некоторые неудобства, и решили, прежде чем присоединиться к ним, подождать, пока дело немного упростится.

Мы подождали еще несколько минут, но положение, видимо, запутывалось все более и более. Наконец, над бортом лодки появилась, качаясь во все стороны, голова Джорджа и проговорила:

— Помогите же нам немного, балда! Стоишь, как мумия, а сам видишь, что мы оба здесь задыхаемся, балван!

Я никогда не оставался глух к призыву о помощи, и подошел, и распутал их. Это было вполне своевременно, так как лицо Харриса уже совсем почернело.

Нам потребовалось еще полчаса тяжелого труда, чтобы натянуть парусину как следует; после этого мы очистили лодку и принялись за ужин. Мы поставили чайник греться на носу лодки, а сами ушли на корму, делая вид, что не обращаем на него внимания и достаем всякие другие вещи.

Это единственный способ на реке заставить вскипеть воду в чайнике. Если чайник заметит, что вы с нетерпением этого ожидаете, он даже не зашумит. Вам лучше всего весело отойти и начать есть, как будто вы вообще не хотите чаю. На чайник не следует даже оглядываться. Тогда вы скоро услышите, как он булькает.

Если вы очень гордитесь, то хорошо помогает громко говорить друг другу, что вам совсем не хочется чаю и что выне будете его пить. Вы подходите к чайнику, чтобы он мог вас услышать, и кричите: «Я не хочу чаю! А ты, Джордж!» И Джордж отвечает: «Нет, я не люблю чай, выпьем лучше лимонаду. Чай плохо переваривается». После этого вода в чайнике сейчас же перекипает и заливает примус.

Мы применили эту безобидную хитрость, и в результате, когда все остальное было готово, чай уже ожидал нас. Тогда мы зажгли фонарь и сели ужинать.

Ирландское рагу

Когда мы устроились, было еще рано, и Джордж сказал, что раз у нас так много времени, нам представляется великолепный случай устроить шикарный вкусный ужин. Он заявил, что покажет нам, что можно сделать на реке в смысле стрипти, и предложил приготовить из ошей, холодного мяса и всевозможных остатков ирландского рагу.

Эта идея показалась нам замечательной, Джордж набрал хворосту и развел огонь, а мы с Харрисом принялись чистить картошку. Я никогда не думал, что чистка картофеля — такое сложное предприятие. Это оказалось самым трудным делом, в котором я когда-нибудь участвовал. Мы начали весело, можно даже сказать, игриво, но все наше оживление пропало к тому времени, как была очищена первая картофелина. Чем больше мы ее чистили, тем больше на ней было колючих; когда мы сняли всю шелуху и вырезали все червоточины, от картофелины не осталось почти ничего, достойного внимания. Джордж подошел и посмотрел на нее. Она была не больше лесного ореха. Джордж сказал:

— Это нигде не годится. Вы губите картофель. Шелуху надо соскребать.

Мы принялись соскребать ее, и это оказалось еще труднее, чем чистить. У них такая удивительная форма, у этих картофелин. Сплюснутые бугры, впадины и бородавки. Мы прилежно

трудились двадцать пять минут и очистили четыре штуки. Потом мы забастовали. Мы заявили, что нам понадобится весь вечер, чтобы очиститься самим.

Ничто так не пачкает человека, как чистка картофеля. Трудно поверить, что всю ту шелуху, которая покрывала меня и Харриса, дали всего четыре картофелины. Это показывает, как много значит экономия и аккуратность.

Джордж сказал, что нелепо класть в ирландское рагу только четыре картофелины, и мы вымыли еще с полдюжины штук и бросили их в котел неочищенными. Мы положили туда также кочан капусты и фунтов пять гороху. Джордж смешал все это и сказал, что остается еще много места. Тогда мы перерыли обе наши корзины, выбрали оттуда все обеды и бросили их в котел. У нас оставалось еще полпрога со свинойной и кусок холодной вареной грудки. Они тоже пошли в рагу. Джордж налил полбанки консервированной лососины и опрокинул ее в котел.

Он сказал, что в этом главное достоинство ирландского рагу: оно сразу избавляет от целой массы вещей. Я выудил пару разбитых яиц, и мы присоединили их к прочему. Джордж сказал, что соус станет от них гуще. Я уже забыл, что мы еще туда положили, но знаю, что ничто не пропало даром.

Под конец Монморенси, который проявлял большой интерес ко всей этой процедуре, вдруг куда-то ушел с серьезным и задумчивым видом. Через несколько минут он возвратился, неся во рту дохлую водяную крысу. Очевидно, он намеревался предложить ее как свой вклад в общую трапезу. Было ли это проявлением сарказма или искренним желанием помочь, мне неизвестно.

У нас возник спор, стоит ли пускать крысу в дело. Харрис сказал, что она, может быть, и подойдет, в смеси с другими вещами, и что каждая безделица может пригодиться, но Джордж заявил, что не знает таких случаев. Он никогда не слышал, чтобы в ирландское рагу клали водяных крыс, и предпочитает воздержаться от опытов.

Харрис сказал: — Если никогда не испытывать новых вещей, как же узнашь, на что они похожи? Такие люди, как ты, тормозят прогресс человечества. Вспомни о немце, который первый сделал сосиски.

Наше ирландское рагу имело большой успех. Я, кажется, никогда ничего не ел с таким удовольствием. В нем было что-то такое свежее, острое. Наш язык устал от старых, избитых вещей; перед нами было новое блюдо, не похожее вкусом ни на какое кушанье.

Кроме того, оно было очень сытно. Как выразился Джордж, материал был неплохой. Правда, картофель и горох могли бы быть помягче, но у всех нас были хорошие зубы, так что это не имело значения. Что же касается соуса, то это была целая поэма. Быть может, он был слишком густ для слабого желудка, но зато питателен.

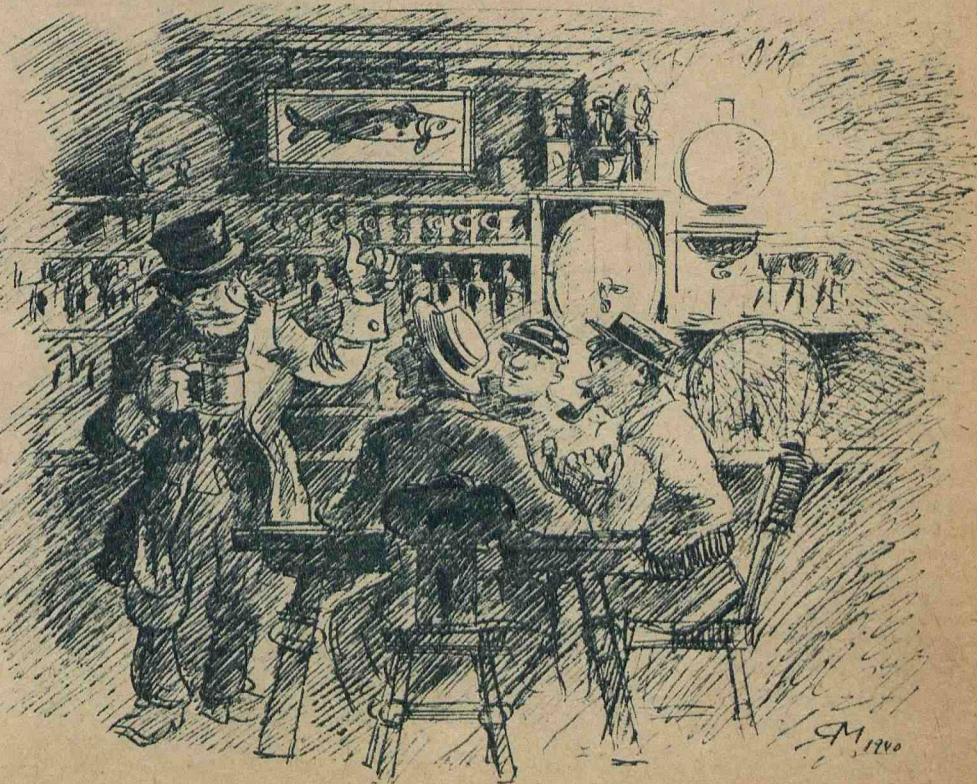
Форель

Итак, я, Джордж и собака, предоставленные самим себе, на второй день вечером пошли прогуляться в Уоллингфорд.

На обратном пути мы заглянули в маленький трактирчик, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

Мы вошли в зал и сели. В зале находился какой-то старик, куривший длинную глиняную трубку. Естественно, мы разговорились с ним. Старик сказал, что сегодня хорошая погода.

(Окончание на стр. 26)

„Вот уже без малого пять лет, как я поймал эту рыбу“